

КСЕНОФАН И ПИФАГОРЕЙЦЫ (D.L. IX, 20 = 21 A 1 DK)

М. В. ЕГОРЧКИН
Институт философии РАН (Москва)
egorochkin@iph.ras.ru

MIKHAIL V. EGORCHKIN

RAS Institute of Philosophy (Moscow)

XENOPHANES AND THE PYTHAGOREANS (D.L. IX, 20 = 21 A 1 DK)

ABSTRACT. According to Diogenes Laertius' *Lives of Eminent Philosophers*, Xenophanes of Colophon, poet and philosopher of the 6th–5th centuries BC, was sold into slavery by the Pythagoreans Parmeniscus and Orestades (D.L. IX, 20 = 21 A 1 DK). This testimony has long been a source of concern to Hellenists, taking into account the high reputation that Pythagoras and his school gained in the history of European culture and philosophy. The paper provides a critical review of all the proposed corrections to the fragment in question. In the first part it considers conjectures and emendations made by the editors and translators Diogenes Laertius' text since the Renaissance. Particular attention is paid to Ambrogio Traversari (1386–1439), the first translator of the *Vitae philosophorum*, whose translation already reveals a reluctance to follow the literal meaning of the testimony. The second part of the paper examines the restoration of the text proposed by Hermann Diels, which is still the most influential. The third part discusses the position of some modern scholars who, while refusing to correct the text of Diogenes Laertius, continue to suspect him to be mistaken. As a result, the paper shows that all corrections of Diogenes' testimony, according to which Xenophanes was sold into slavery by the Pythagoreans, are vulnerable to criticism, and that consequently its literal reading may be correct.

KEYWORDS: ancient biography, Diogenes Laertius, Xenophanes, Pythagoreans, slavery in antiquity.

Диоген Лаэртий завершает биографию Ксенофана следующими двумя свидетельствами (D.L. IX, 20 = 21 A 1 DK):

φησι δὲ Δημήτριος ὁ Φαληρεὺς ἐν τῷ Περὶ γήρωσ καὶ Παναίτιος ὁ Στωϊκὸς ἐν τῷ Περὶ εὐθυμίας ταῖς ἰδίαις χερσὶ θάψαι τοὺς υἱεῖς αὐτόν [sc. Ξενοφάνην], καθάπερ καὶ Ἀναξαγόραν. δοκεῖ δὲ πεπράσθαι ὑπὸ <* καὶ λελύσθαι ὑπὸ> τῶν Πυθαγορικῶν Παρμενίσκου καὶ Ὀρεστάδου, καθά φησι Φαβωρίνος ἐν Ἀπομνημονευμάτων πρώτῳ.

Деметрий Фалерский в сочинении *О старости* и стоик Панетий в сочинении *О благорасположении духа* говорят, что он [Ксенофан] собственными руками похоронил своих сыновей, точно так же как и Анаксагор. Есть мнение, что он был продан в рабство <* [= кем-то] и выкуплен> пифагорейцами Пармениском и Орестадом, как говорит Фаворин в первой книге *Памятных записок*.

Греческий текст процитирован здесь в редакции Дильса, который в свидетельстве Фаворина (I–II вв. н.э.) усмотрел лакуну и предложил взятое в угловые скобки восполнение.¹ По мнению прославленного филолога, Ксенофан угодил в рабство отнюдь не по вине Пармениска и Орестада, как буквально сообщается в тексте, а кого-то неизвестного (на что указывает астериск), тогда как названные пифагорейцы, напротив, освободили Ксенофана. Надо сказать, что Дильс далеко не первый, кто обратил внимание на данное место у Диогена Лаэртия, и оно издавна смущало эллинистов. Поскольку история его исправлений не только примечательна, но и поучительна, прежде чем приступить к обсуждению предложенного Дильсом восполнения, нелишне остановиться на ней подробнее.

I

Нежелание следовать буквальному смыслу свидетельства о Ксенофане и пифагорейцах обнаруживают уже ренессансные переводчики Диогена Лаэртия. Первый латинский перевод *Жизней философов* был выполнен Амброджо Траверсари (1386–1439), камальдульским монахом, близким кружку флорентийских гуманистов.² Траверсари принадлежит заметное место в

¹ См. примечания к 20, 2 и 21 A 1 DK.

² Задолго до Траверсари перевести Диогена Лаэртия пытался Генрих Аристипп (ум. 1162). К сожалению, его попытка не увенчалась успехом: начатый им перевод не был завершен, переведенные же части вскоре оказались утеряны. Считается, впрочем, что они были использованы при составлении популярного анонимного сочинения *Liber de vita et moribus philosophorum* (нач. XIV в.), которое до недавнего

церковной истории. Став в 1431 г. генералом ордена камальдулов, он в 1435 г. присутствовал на Базельском соборе, а с 1438 г., поддерживая унию Западной и Восточной Церквей, принимал участие в работе знаменитого Ферраро-Флорентийского собора. Все предшествующие годы Траверсари посвятил изучению древнегреческого языка и переводу Отцов Церкви. В числе переведенных им авторов Иоанн Златоуст, Дионисий Ареопагит, Ефрем Сирий. Собственно говоря, Диоген Лаэртский оказался единственным нехристианским писателем, которого ему довелось переводить.³

Как сообщает Траверсари в письме к Козимо Медичи, он взялся за перевод *Жизней философов* по настоянию друзей (*Ep.* XXIII, 10).⁴ Среди них прежде всего был сам Козимо (*Ep.* VIII, 8), а также Пилео де Марини, архиепископ Генуи, посетивший Флоренцию в 1423 г. и сблизившийся с некоторыми тамошними гуманистами (*Ep.* VI, 23; VIII, 1; 90 et 109 Puncuh). Заинтересованность в переводе проявлял и легендарный латинист Никколо Никколи, неизменно оказывавший Траверсари поддержку (*Ep.* VIII, 1, 8–10, 26, 45 et 47). В отличие от своих друзей и покровителей, Траверсари не испытывал особых симпатий к труду Диогена и взялся за него с неохотой, о чем ясно давал понять в письмах к Никколи и де Марини. «*Utinam nunquam id opus adgressus essem!*» – писал он Леонардо Джустиниани, когда благодарил за одолженную рукопись *Vitae philosophorum* (*Ep.* VI, 27).

Перевод Диогена Лаэртского занял у Траверсари около десяти лет – с 1424 по 1433 гг. Сохранился автограф этого перевода, Codex Strozianus 64, сейчас он находится в Библиотеке Лауренциана. Сперва перевод ходил в списках, важнейшим из которых является Laurentianus 69, 21 – личный экземпляр Козимо Медичи. Первое же печатное издание было подготовлено Франческо Элио Маркеше и увидело свет в Риме в 1472 г. Однако широкое признание Диоген Лаэртский в переводе Траверсари получил только по выходе второго издания, отпечатанного в Венеции в 1475 г. Своим успехом оно всецело обязано Бенедетто Бруньоли, который не просто еще раз сверил латинский текст с греческим оригиналом, но и восполнил имеющиеся в переводе про-

времени приписывалось английскому философу Вальтеру Бурлею (ок. 1275–1345). На основании имеющихся в этом сочинении материалов полагают, что Аристиш перевел из Диогена лишь первые две книги, а также биографию Аристотеля (Dorandi 2009, 201–222).

³ Исчерпывающий список выполненных Траверсари переводов см. в *SALMA* 2000, I, 2, 204–207.

⁴ Здесь и далее ссылки на письма Траверсари, если не указано иное, даются по изданию Лоренцо Мехуса (Mehus 1759), которое, несмотря на дальнейшие находки и публикации новых писем, до сих пор остается основным.

белы. Дело в том, что Траверсари опустил многие поэтические фрагменты и цитаты, включая авторские стихи Диогена.⁵ Практически все последующие издания XV века (пять из шести, если быть точным) были выполнены по изданию Бруньоли.⁶ Перевод Траверсари еще долго оставался востребованным и имел важное значение для европейской образованности: столетием позже его воспроизвел Анри Этьенн, опубликовавший *Vitae philosophorum* в 1570 и 1593 гг.; в 1828–1831 гг. с необходимыми исправлениями и улучшениями его использовал в своем двухтомном издании Генрих Густав Хюбнер; наконец, он был взят за основу Карелем Габриэлем Кобетом, чей двуязычный Диоген Лаэртий впервые вышел у Дидо в 1850 г.

Что касается свидетельства о Ксенофане и пифагорейцах, то Траверсари перевел его так: «Videtur autem a pythagoricis Parmenisco et Orestade ut Favorinus in primo *Commentariorum* ait defecisse».⁷ И такой перевод не может не удивлять. Перфектный инфинитив страдательного залога πειράσθαι (от πειράσχω ‘продавать’, ‘вывозить на продажу’, а применительно к человеку ‘продавать в рабство’) Траверсари перевел перфектным инфинитивом в действительном залоге глагола *deficio*, который с предлогом *a* (*ab*) имеет значение ‘отпасть, отойти (от кого-л., чего-л.)’ или ‘изменить (кому-л., чему-л.)’. Ксенофан, согласно переводу Траверсари, вовсе не был продан в рабство Пармениском и Орестадом, а сам по какой-то причине отдалился от них или даже предал их доверие.⁸

Чем объясняется столь неожиданное решение переводчика? Первое, что приходит на ум, – он попросту не справился с греческим текстом. Перевод Траверсари и впрямь иногда погрешает против точности и не всегда стилистически безупречен.⁹ И все же объяснить конкретный случай неуверенным

⁵ Объясняя в письме к Козимо отсутствие многих стихов, Траверсари пишет, что не включил их, посчитав несущественными (*Ep.* XXIII, 10). Предпринятое Агостино Соттили сличение первых списков и печатных изданий перевода с автографом ясно показывает, что такая установка выработалась у Траверсари не сразу и что первоначально он предполагал перевести *Жизни философов* целиком, без купюр (Sottili 1984, 699–745).

⁶ Полный список изданий Диогена Лаэртия в переводе Траверсари, вышедших в XV в., приведен в *GW* 1968, VII, 432–436 (No. 08378–08384).

⁷ Traversari 1472, 12v. Все ссылки на перевод Траверсари указываются по экземпляру первого печатного издания, который хранится в библиотеке Венского университета (No. AС08710432). Пагинация в этом экземпляре проставлена вручную в правом верхнем углу каждого листа, начиная со вступления Маркезе.

⁸ Ср. употребление *deficio* с *a* (*ab*) в письмах Траверсари: *Ep.* VI, 17; XV, 6; XXII, 20.

⁹ См. Gigante 1988, 421–451 *passim*.

владением греческим вряд ли возможно: πῖπράσχω встречается у Диогена Лаэртия еще 13 раз, причем в самых различных формах,¹⁰ и всякий раз Траверсари легко распознает глагол, в передаче которого чувствует себя уверенно, изменяя принятому переводу лишь однажды – в свидетельстве о продаже Ксенофана.¹¹

Другим объяснением, почему Траверсари так сильно отошел от оригинала, может служить качество рукописей *Vitae philosophorum*. Установлено, что, работая над переводом, Траверсари пользовался по меньшей мере тремя манускриптами. К сожалению, до сих пор надежно идентифицирован лишь один из них – Laurentianus 69, 35, saec. XV, зато, как известно доподлинно, он являлся для Траверсари основным.¹² Этот манускрипт не подтверждает высказанного подозрения: при том что на полях переводчик время от времени отмечал расхождения между рукописями, к свидетельству о продаже Ксенофана какие-либо пометки отсутствуют; чтение же в самом тексте совершенно однозначно – πῖπράσθαι (f. 195v). Безусловно, есть вероятность, что Траверсари в данном случае следовал какому-то иному, ныне утерянному списку. Но она крайне мала. Существенных разночтений D.L. IX, 20 нет во всей рукописной традиции *Vitae philosophorum*.

Не теряя надежды разгадать заданную переводом Траверсари загадку, обратим внимание на следующее обстоятельство. В ту пору, когда монах-камальдул переводил Диогена Лаэртия, любители греко-римских древностей, скорее всего, имели самое смутное представление о Ксенофоне. В анонимном сочинении начала XIV века *Liber de vita et moribus philosophorum* Парменид в посвященной ему главке назван учеником не Ксенофана, как у Диогена Лаэртия, а Ксенофонта (XLIX Knust). Подборка же фрагментов Ксенофана впервые появилась только в 1573 г., в сборнике Анри Этьенна *Poesis philosophica*. Таким образом, единственным источником знаний о Ксенофоне для Траверсари являлись *Жизни философов*. Стало быть, причины его переводческого решения, коль скоро оно не объясняется ни ошибкой, ни разночтением в рукописях, следует искать в самом переводимом тексте. То, что Ксенофан «отпал» или «изменил» пифагорейцам, предполагает, что

¹⁰ Janáček 1992, 206 (s.v. πῖπράσχω).

¹¹ Чаще всего при переводе Траверсари прибегает к соответствующим формам глагола *vendo* (D.L. I, 57; II, 25 et 119; III, 19; IV, 14 et 49; VI, 74 = Traversari 1472, 9v, 21r, 32v, 37v, 48v, 53r, 73r). В других случаях он использует либо глагол *veneo* (II, 48; VI, 35 = 24r; 69r), либо более специальный *venundo* (XI, 66 = 117v), либо *emo* в страдательном залоге (VI, 29 et 35 = 68v et 69r); один раз субстантивированное причастие οἱ πῖπραχότες Траверсари передает существительным *venditores* (VI, 40 = 70r).

¹² Knoepfler 1991, 22–44; Dorandi 2009, 222–228.

прежде он был с ними каким-то образом связан. И действительно, в проэмии к своему труду Диоген Лаэртий причисляет Ксенофана к италийской школе, называя учеником Телавга, сына Пифагора, и учителем Парменида (D.L. I, 15). Соответственно и биографию Ксенофана он помещает в «италийскую часть» *Жизней*. Однако в самом конце биографии, после сообщения о продаже в рабство, он характеризует Ксенофана как «спорадического», то есть не связанного ни с какой школой мысли философа (D.L. IX, 20; ср. VIII, 50, 91). Налицо очевидное противоречие, которое переводчик просто не мог не заметить, а заметив, попытался разрешить, внося в перевод необходимое изменение. Если наша догадка верна, то найденный Траверсари выход весьма логичен и умен: он подразумевает, что Ксенофан сперва принадлежал к пифагорейской школе, но затем по какой-то причине отпал от нее и продолжил заниматься философией самостоятельно.

Переводческий опыт Траверсари относится скорее к предыстории исправлений Диогена Лаэртия. Сама же история начинается вместе со следующим переводом *Жизней философов*, автором которого стал Томмазо Альдобрандини (1540–1572), гуманист, занимавший пост секретаря при папе Пие V. Сделанный им перевод Диогена Лаэртия, изданный посмертно в Риме в 1594 г. стараниями его племянника, кардинала Пьетро Альдобрандини, оказался во многом и точнее, и изящнее предыдущего.¹³ Тем удивительнее, что свидетельство о Ксенофане переводчик решил передать следующим образом: «Videtur a Pythagoricis emptus fuisse (sic) Parmenisco, atque Orestade, quemadmodum est apud Phavorinum in primo *Commentariorum*» – «Кажется, он был выкуплен пифагорейцами Пармениском и Орестадом, как о том говорится у Фаворина в первой книге *Записок*».¹⁴ Трудно не увидеть, что в истолковании этого места Альдобрандини неожиданно предвосхитил Дильса. Остается лишь сожалеть, что в своих обширных примечаниях он не объяснил причин, побудивших его выбрать именно такой перевод.

На несоответствие перевода Альдобрандини греческому тексту впервые указал Мерик Казобон (1599–1671), сын знаменитого Исаака Казобона. В *In Diogenem Laertium notae et emendationes*, опубликованных в лондонском издании *Жизней философов* (1664), он отмечал, что если чтение рукописей верно, то глагол πειράσθαι следует переводить «non *emptus*, sed *venditus*», и Ксенофан, согласно античному биографу, был именно продан в рабство пифагорейцами. Однако, учитывая тот факт, что ни один другой автор, кро-

¹³ Сличение переводов Траверсари и Альдобрандини: Gigante 1988, 430–438. См. также Knoepfler 1991, 64–72.

¹⁴ Aldobrandini 1594, 242.

ме Диогена Лаэртия, о рабстве Ксенофана не сообщает, Казобон подозревал ненадежность самого текста. Вместо рукописного πεπράσθαι, 'быть проданным', он предложил читать πεπράχθαι, 'быть сделанным'. В соответствии с его чтением, пифагорейцы Пармениск и Орестаид сделали то же самое, что и Ксенофан с Анаксагором, – похоронили сыновей собственными руками.¹⁵ Предложенное Казобоном исправление нашло отклик у многих эллинистов, так что и более чем полтора века спустя Симон Карстен констатировал: «multi corrigunt πεπράχθαι (sic)». Впрочем, тут же не преминул добавить: «Si hoc voluit Diogenes, scripsit certe obscurius».¹⁶ И, надо признаться, был прав. Принять исправление Казобона можно только в ущерб Диогену Лаэртию, чей слог (и без того шероховатый) при таком прочтении оказывается весьма неуклюж и самое меньшее требует союза καί после πεπράχθαι.¹⁷

Вслед за Казобоном предлагались и иные эмендации, порой совершенно фантастические. Так, Прессель в дополнениях к словарю Шнайдера, ошибочно связав инфинитив πεπράσθαι с группой глаголов со значением 'жечь', 'сжигать', 'воспламенять', пришел к выводу, что пифагорейцы предали Ксенофана огню, отдав ему тем самым последние почести.¹⁸ Карстен в свой черед исправил πεπράσθαι на τετράφθαι, как если бы они взяли на себя заботу о пропитании Ксенофана.¹⁹ Уже упоминавшийся Хюбнер предложил чтение πεφωράσθαι (в латинском переводе «in furto deprehensus esse»), словно Ксенофан был уличен пифагорейцами в воровстве.²⁰ Маррес, автор диссертации о Фаворине, вместо πεπράσθαι рекомендовал читать πεπλάσθαι, подозревая таким образом, что история о смерти Ксенофановых сыновей представлялась Фаворину не более чем выдумкой Пармениска и Орестада.²¹ Эмендация πεπάρθαι, которую издатели приписали Ницше, и вовсе обескураживает, ибо в таком случае пифагорейцы, заколов, убили Ксенофана.²² Пожалуй, самое трезвое исправление предложил Курт фон Фриц. Исходя из того, что Диоген Лаэртий нередко завершает биографии подборкой одно-

¹⁵ Casaubon 1664, 23.

¹⁶ Karsten 1830, 14–15 n. 28.

¹⁷ См. Barigazzi 1966, 200.

¹⁸ Pressel 1822, 76–77 (s.v. πιπράω, πιπράω etc.).

¹⁹ Karsten 1830, 15 n. 28.

²⁰ Huebnerus 1831, II, 344.

²¹ Marres 1853, 103.

²² Nietzsche ap. Mensching 1963, 75 n. 76. (Указание на эмендацию Ницше впервые встречается у Меншинга, и все последующие издатели и исследователи, судя по всему, следуют за ним. Во всяком случае, мне не удалось найти, где именно Ницше высказывает свою догадку по поводу D.L. IX, 20.)

типных свидетельств, он нашел возможным заменить в свидетельстве Фаворина πεπράσθαι на τετάφθαι. Получалось, что пифагорейцы всего-навсего похоронили Ксенофана, как сам Ксенофан и Анаксагор похоронили своих сыновей.²³ Насколько удачным оказалось исправление фон Фрица показывает хотя бы то, что Марио Унтерстейнер принял его в текст Диогена Лаэртия.²⁴

Стремление понять заключительное свидетельство о Ксенофане как известие о его погребении вполне объяснимо. Не секрет, что в своей книге Диоген Лаэртий уделяет большое внимание описанию смерти философов.²⁵ Присущий ему интерес к этой теме однажды был даже назван «болезненным».²⁶ По признанию самого биографа, им был составлен поэтический сборник, где рассказывалось о «смерти всех знаменитых людей» (D.L. I, 63; ср. I, 39; VII, 31; VIII, 74–75; IX, 43). Без свидетельства о смерти жизнь философа казалась Диогену неполной, а его портрет незаконченным.²⁷ Поэтому трудно себе представить, чтобы в жизнеописании Ксенофана он ни словом не обмолвился о его кончине или хотя бы похоронах. В ответ на эти соображения можно было бы возразить, что упоминание о кончине отсутствует и в жизнеописаниях многих других философов (II, 16–17, 60–64, 65–85 etc.). Когда же Диоген все-таки сообщает о том, как умер тот или иной из его героев, то не обязательно делает это в конце, но порой в середине (IV, 3), а то и ближе к началу биографии (I, 95, 102). К тому же, вопреки мнению фон Фрица, он не всегда завершает повествование чередой однотипных свидетельств, но нередко поступает прямо наоборот, собирая в конце разнородный биографический материал.²⁸

Как можно видеть, предлагая свою редакцию текста Диогена Лаэртия, Дильс наследовал давней, уже сложившейся традиции исправлений. Но каковы были его собственные резоны? В разное время он формулировал их по-разному. В аппарате к *Poetarum philosophorum fragmenta*, куда вошли также фрагменты и свидетельства о Ксенофане, Дильс отмечал: «intercidit nomen velut Hieronis (nam res ad Platonis exemplar ficta videtur), cetera supplevi».²⁹ Позже, в изданиях досократиков, он ограничился лаконичной ремаркой: «Dublette zu Platons Leben». Иными словами, свидетельство о продаже Ксе-

²³ Fritz 1939, 960.

²⁴ Untersteiner 1956, 14.

²⁵ Hope 1930, 163.

²⁶ Mejer 1978, 32 n. 67.

²⁷ Ср. Gigante 1986, 39–40.

²⁸ Mensching 1963, 75.

²⁹ Diels 1901, 21.

нофана представлялось ему всего лишь выдумкой, созданной по образцу известного анекдота из жизни Платона, который, как сообщается у Диогена Лаэртия, по приказу Дионисия Старшего был вывезен спартанцем Поллидом на Эгину, выставлен там на невольничьем рынке и выкуплен Анникеридом из Кирены (D.L. III, 19–20; II, 86). Точно так же и Ксенофан, оказавшись в рабстве (возможно, по вине тирана Гиерона Сиракузского, – ср. D.L. IX, 19 = 21 A 1 DK; *FGrHist* 566 F 133 = A 8; *Plut. Reg. et imp. apophth.* 175 C = A 11), был вызволен пифагорейцами Пармениском и Орестадом.

Сравнивая восполнение Дильса с эмендациями других издателей и исследователей, нельзя не заметить его очевидных преимуществ. Во-первых, оставаясь более близким рукописному чтению, оно успешно позволяет избежать недоразумений, связанных с участием пифагорейцев в работоторговле. Во-вторых, свидетельство Фаворина не ставится в нем в зависимость от свидетельств Деметрия Фалерского и Панетия, как во многих других исправлениях. В-третьих, оно учитывает специфику античной биографии, для которой рассказы о выкупе философа из рабства нередки. Неудивительно, что большинство издателей Диогена Лаэртия и Фаворина соглашались с Дильсом.³⁰ При этом Маркович предложил более экономное решение, постулировав лауну перед, а не после предлога ὑπό, и убрав его повтор из угловых скобок: δοκεῖ δὲ πεπραῖσθαι <καὶ λελύσθαι> ὑπὸ τῶν Πυθαγορικῶν κτλ.³¹ Не меняя восполнения Дильса в содержательном отношении, с формальной точки зрения такое решение все же выглядит менее оправданным: часть текста могла выпасть как раз из-за повторяющегося ὑπό. Быть может, поэтому Эудженио Амато, автор новейшего издания Фаворина, возвращается к догадке Дильса, как бы синтезируя ее с редакцией Марковича: πεπραῖσθαι <ὑπό *** καὶ λελύσθαι> ὑπὸ τῶν Πυθαγορικῶν κτλ.³²

II

Сколь бы удачным ни казалось восполнение Дильса, оно не может не вызывать некоторого недоумения. В самом деле, если признать, что пифагорейцы Пармениск и Орестада не продали Ксенофана в рабство, как буквально сказано у Диогена Лаэртия, а, напротив, выкупили его, то спрашивается, по-

³⁰ См. Hicks 1925, II, 428; Long 1964, II, 447; Varigazzi 1966, 199–200 (Favor. fr. 38).

³¹ Marcovich 1999, 645. Не исключено, что подсказкой Марковичу могло послужить примечание к соответствующему месту в переводе Джиганте (*Gigante* 1962, 431 п. 35), где именно так передано восполнение Дильса.

³² Amato 2010, 212–213 (Favorin. fr. 46).

чему они так поступили. Вопрос не праздный: характер отношений между пифагорейцами, те правила и предписания, которыми они руководствовались в жизни, заставляют думать, что они сделали это не только из человеколюбия и великодушия.

Как известно, пифагорейцы называли друг друга либо товарищами – *ἐταῖροι*, теми, кто относится к одной гетерии, либо друзьями – *φίλοι* (Aristox. fr. 18 Wehrli; Dicaearch. fr. 41A Mirhady). При этом под дружбой они понимали нечто большее, нежели обычную связь между приятелями и близкими по духу людьми. Пифагорейская дружба связывала даже незнакомых друг с другом пифагорейцев, «обязывая каждого из них всеми средствами помогать своим “друзьям” в ситуациях, угрожающих их жизни и благополучию».³³ Излюбленным примером подобных отношений для античных авторов служила дружба Финтия и Дамона (Aristox. fr. 31 Wehrli = Iamb. *Vit. Pyth.* XXXIII, 233–236 = 58 D 7 DK; ср. Nicomachus, *FGrHist* 1063 F 3 = Porph. *Vit. Pyth.* 60–61; Diod. X, 4, 3 = 55 DK; Cic. *De fin.* II, 79). Еще лучше, пожалуй, пифагорейскую дружбу иллюстрирует история о том, как один пифагореец с избытком возместил расходы хозяину постоялого двора, когда узнал, что ранее тот позаботился о другом пифагорейце, умершем из-за болезни и не уплатившем за постой и уход (Iamb. *Vit. Pyth.* XXXIII, 237–238). К этой истории примыкает анекдот о помощи, оказанной состоятельным Клинием из Тарента разорившемуся Прору из Кирены (Ibid. XXXIII, 239; Diod. X, 4, 1 = 54, 3 DK), и схожий анекдот о Фесторе из Посидонии и Фимариде с Пароса (Iamb. *Vit. Pyth.* XXXIII, 239).

Рабство гораздо хуже разорения и неоплаченных долгов. Окажись какой-нибудь пифагореец рабом или попади он в плен (за чем обычно следовала продажа), он, несомненно, был бы тотчас выкуплен или вызволен «друзьями», конечно, если бы те узнали о его беде. Увы, рассказов о подобной взаимовыручке сохранилось немного. К ним относятся разве что краткое сообщение об Эвбуле из Мессены, который был захвачен в плен тирренскими пиратами и освобожден Навсифоем, признавшим в нем пифагорейца (Iamb. *Vit. Pyth.* XXVII, 127), да упоминание о карфагенянинне Мильтиаде, который помог бежать аргивянину Посиду (Ibid., 128). Тем не менее при желании число подобных свидетельств можно было бы увеличить за счет истории о выкупе Платона и освобождении Пифагора.

То, что Платон был тесно связан с пифагорейцами, прежде всего с Архитом, не вызывало у античных авторов никаких сомнений: по сведениям Диогена Лаэртия, математике Платон учился не только у Феодора из Кире-

³³ Жмудь 2012, 96.

ны (D.L. II, 103; III, 6), но и специально ездил в Италию к пифагорейцам Филолаю и Евриту (III, 6); согласно Апулею и другим авторам, кроме Филолая и Еврита в Италии он также слушал Архита (Apul. *De Plat.* I, 3; ср. Demosth. LXI, 46; Cic. *Rep.* I 10, 16; Olymp. *In Plat. Alcib.* 2, 89–92; Phot., cod. 249 и др.). Особый интерес в этой связи представляет VII-е платоновское письмо, где помимо прочего рассказывается, как Платон, насильно удерживаемый в Сиракузах Дионисием Младшим, дал знать о своем положении Архиту и другим друзьям в Тарент (πέμπω παρ' Ἀρχύτην καὶ τοὺς ἄλλους φίλους εἰς Τάραντα κτλ.), и как те, снарядив посольство, уговорили тирана отпустить философа домой (Plat. *Ep.* VII, 350a; ср. D.L. III, 21; VIII, 79). Сегодня исследователи не склонны объяснять поступок Архита и тарентийцев какой-то особой, пифагорейской дружбой, соединявшей их с Платоном.³⁴ Однако в древности он мог восприниматься именно так. Ямвлих упоминает Платона и Архита в одном ряду с Финтием и Дамоном, с одной стороны, и Клинием и Прором – с другой (Iamb. *Vit. Pyth.* XXVII, 127 = 54, 1 DK). Не исключено, что такой взгляд на их отношения повлиял и на анекдот о продаже Платона в рабство, по одной из версий которого (пусть и зафиксированной довольно поздно) философ был выкуплен не Анникеридом, как у Диогена Лаэртия (III, 19–20; II, 86), а Архитом. Эту версию сообщает Иоанн Цец (ок. 110–1180) в *Хилиадах* (Tzetz. *Chil.* X, 995–999). Стоящая особняком, она, по-видимому, возникла в результате контаминации двух независимых эпизодов – продажи Платона при Дионисии Старшем и его освобождении из-под власти Дионисия Младшего (ср. Diod. XV, 7; Olymp. *In Plat. Alcib.* 2, 114–122; *In Plat. Gorg.* 41, 8).³⁵ Как бы то ни было, спасение Платона либо в том, либо в другом случае не обошлось без помощи друзей-пифагорейцев.

Что же до Пифагора, то в поздних источниках получил распространение сюжет о его путешествии в Египет, где он якобы был захвачен в плен персидским царем Камбизом (Chronicon Romanum, *FGrHist* 252 F B 7; Iamb. *Vit. Pyth.* IV, 19; *Theol. ar.* 52–53). Апулей во *Флоридах* сверх того сообщает, будто впоследствии Пифагора освободил некий Гилл, первый среди кротонцев: «eum a quodam Gillo [F; Gyllo φ] Crotoniensium principe reciperatum» (Apul. *Flor.* XV). Поскольку Гилл из Кротона нигде больше не упоминается, Эрвин Роде предположил, что речь у Апулея в действительности идет о кротонском пифагорейце Силле (лат. Syllus). Тот фигурирует в каталоге пифагорейцев Аристоксена (ар. Iamb. *Vit. Pyth.* XXXVI, 267) и известен тем, что предпочел заплатить штраф, нежели нарушить пифагорейское правило благочестия и

³⁴ Ср. Mathieu 1987, 246–254; Lloyd 1990, 159–174; Huffman 2005, 32–42.

³⁵ Подробнее: Riginos 1976, 86–92.

поклестся именем богов (Iamb. *Vit. Pyth.* XXVIII, 150; ср. IX, 47 et XXVIII, 144).³⁶ Если догадка Роде верна (а ее в конечном счете признали издатель *Флорид* Рудольф Хельм³⁷ и некоторые современные комментаторы³⁸), то Пифагор, согласно Апулею, оказавшись в рабстве у Камбиза, был выкуплен Силлом из Кротона. И хотя на момент выкупа тот еще не был пифагорейцем в строгом смысле слова, во времена Апулея такой анекдот вполне мог рассцениваться как рассказ о пифагорейской взаимовыручке.

Угроза порабощения нависала над каждым, кто по каким-то причинам покидал отечество. Поэтому не так уж и удивительно, что изгнанник Ксенофан оказался продан в качестве раба. Гораздо удивительнее, что выкуп за него заплатили пифагорейцы. Жест Пармениска и Орестада предполагает, что они считали Ксенофана своим другом, ведь люди обычно вывозят из беды друзей и близких. Но, как было сказано выше, быть связанным с пифагорейцами узам дружбы означало на деле лишь одно – принадлежать, как и они, к пифагорейскому союзу. Поэтому если Дильс прав, и Пармениск с Орестадом действительно выкупили Ксенофана из рабства, то отсюда с большой вероятностью следует, что Ксенофан тоже был пифагорейцем. Неизбежность подобного вывода делает восполнение Дильса уязвимым для критики. Мало того что оно идет вразрез с мнением самого ученого, никогда не связывавшего Ксенофана с пифагорейской школой и видевшего в нем исключительно элеата, даже зачинателя элейской философии,³⁹ – оно совершенно не соответствует тому образу Ксенофана, каким его запечатлели античные авторы.

Ксенофан вошел в историю как насмешник и язвительный критик. Он «бичевал сказанное Гомером и Гесиодом о богах» (D.L. IX, 18; ср. 21 В 11–12 DK), спорил с Фалесом (Ibid.; ср. I, 23 = В 19), нападал на Эпименида (IX, 18;

³⁶ Rohde 1885, 11.

³⁷ Helm 1959, 51: «lege Syllo».

³⁸ La Rocca 2005, 216; Lee 2005, 142. Иначе: Oreku 1974, 240–241; Hunink 2001, 147.

³⁹ Ср. восполнение Дильса к D.L. IX, 18 = 21 A 1 DK: οὗτος [sc. Ξενοφάνης] ἐκπεσὼν τῆς πατρίδος ἐν Ζάγκλῃ τῆς Σικελίας <διέτριβε καὶ τῆς εἰς Ἑλέαν ἀποικίας κοινωνήσας ἐδίδασκειν ἐκεῖ>, διέτριβε δὲ καὶ ἐν Κατάνῃ – «Изгнанный из отечества, Ксенофан <жил> в сицилийской Занкле, <участвовал в переселении в Элею, учил там>, жил также в Катане». Больше того: Дильс говорил об открытой конкуренции между пифагорейской и элейской школами (см. Diels 1887, 256–257 n. 4; Id. 1897, 8, 10, а также 15 n. 1 с характерным замечанием: «Pythagoras und Xenophanes sind Feinde»). – Влияние пифагорейцев на Ксенофана предполагал, кажется, один только Жигон (Gigon 1945, 159–160), да и то речь шла о сугубо философских материях. Своевременные возражения Жигону: Lumre 1952, 21–22.

ср. I, 11 = В 20), потешался над Эмпедоклом, отказывая тому в праве считаться мудрецом (IX, 20), называл Симонида скупердям (В 21). Обо всех поэтах и философах своего времени он написал силлы, насмешливо-сатирические стихи (22 А), коих набралось на целых пять книг (ΡΟху 1087 = В 21а). Но, пожалуй, самой знаменитой из его острот являлась насмешка над Пифагором (D.L. VIII, 36 = В 7, пер. А.В. Лебедева с изм.):

Шел, говорят, он однажды, и видит – щенка избивают.
Жалостью схваченный, он слово такое изрек:
«Стой! Перестань его бить! В бедняге любезного мужа
Душу я опознал, визгу внимая ее».

Смысл ксенофановской насмешки, как правило, сводят либо к несогласию с пифагорейским учением о метемпсихозе,⁴⁰ либо к критике притязаний Пифагора на обладание особым знанием, позволившим ему распознать в щенке душу знакомого человека.⁴¹ С не меньшим основанием, однако, можно утверждать, что в процитированных стихах Ксенофан стремился задеть учеников Пифагора: упомянутая им «душа любезного мужа», φίλου ἀνέρος ψυχή, подразумевает не просто умершего друга, но пифагорейца.⁴² Учитывая же, что эту душу Пифагор застаёт в трудной ситуации и тотчас приходит ей на помощь, нельзя не предположить, что Ксенофан тем самым высмеивал и пифагорейскую дружбу.⁴³ Одним словом, эти сатирические строки показывают, что их автор едва ли испытывал симпатию к пифагорейцам (как и они к нему, надо полагать), вряд ли входил в их круг и, следовательно, не мог быть выкуплен ими как один из своих.

Если дело и впрямь обстоит таким образом, то всякому, кто решит сохранить восполнение Дильса, придется прибегнуть к дополнительным ухищрениям. Самым простым будет допустить, что свидетельство о выкупе досталось Ксенофану вследствие ошибки. Как убедительно показал Йорген Мейер, Диоген Лаэртий, собирая материал для своей книги, имел обыкновение делать выписки и извлечения из предшествующих авторов. При этом он нередко сокращал встречающиеся у них личные имена, в результате чего сведения о жизни и учении одного знаменитого философа попадали в биографию другого. Список подобного рода ошибок у Диогена Лаэртия насчи-

⁴⁰ Del Basso 1975, 163–176.

⁴¹ Leshner 1992, 79–80.

⁴² Schäfer 2009, 48–69.

⁴³ Подробнее о Ксенофановой шутке в адрес Пифагора и пифагорейцев: Егорочкин 2020, 5–30.

тывает в общей сложности полтора десятка случаев, и имя Ксенофана появляется в нем два раза.⁴⁴ Первый раз – в связи с тем местом проэмия, где Диоген перечисляет плодовитых писателей и где вместо Ксенофана, по мнению Фридриха Вильгельма Ричля, должен был бы стоять Ксенократ: πολλὰ δὲ Ζήνων, πλείω Ξενοφάνης [codd.: Ξενοκράτης Ritschl], πλείω Δημόκριτος κτλ. (D.L. I, 16).⁴⁵ Второй раз – в связи со свидетельством Деметрия Фалерского и Панетия, которым Диоген приписывает утверждение, будто Ксенофан, подобно Анаксагору, похоронил собственными руками своих сыновей (D.L. IX, 20). Эту ошибку обнаружил сам Мейер, указав на то, что, когда тот же факт упоминается в биографии Анаксагора, Диоген, умалчивая о Ксенофане, называет два другие имени – Солона и Ксенофонта: «[Анаксагор сказал] о сыновьях: “Я знал, что они родились смертными”. (Впрочем, некоторые приписывают эти слова Солону, а некоторые – Ксенофонту). Деметрий Фалерский в сочинении *О старости* добавляет, что даже похоронил он их собственными руками» (D.L. II, 13, пер. М.Л. Гаспарова; *Demetr. Phal. fr. 82 Wehrli*; fr. 85 SOD). В другом месте похожую реплику биограф вкладывает в уста уже не Анаксагору, а Ксенофонту (D.L. II, 55), с той лишь разницей, что тот произносит ее в связи с кончиной одного сына.⁴⁶ Наличие этой параллели дало Мейеру повод думать, что сообщение о погребении сыновей изначально предназначалось Ксенофонту и Ксенофану было приписано по ошибке.⁴⁷

Такая же путаница в именах могла произойти и в сообщении о продаже в рабство. Правда, в данном случае речь должна была идти не о каком угодно философе, чье имя напоминало бы имя Ксенофана, но непременно о пифагорейце. И такие пифагорейцы, разумеется, существовали. Так, в каталоге Аристоксена (ар. *Iamb. Vit. Pyth.* XXVI, 267) среди метапонтийцев наряду с Пармениском (здесь он именуется Пармиском) и Орестадом фигурируют Ксенокад (Ξενοκάδης) и Ксенофант (Ξενοφάντης). Оба жили приблизительно в V–IV вв. до н.э. К сожалению, ни о том, ни о другом практически ничего не

⁴⁴ Mejer 1978, 16–29.

⁴⁵ Ritschl 1866, 185. Как и следовало ожидать, сам ученый винил в этой ошибке переписчиков. Лишь после наблюдений Мейера стало понятно, что возникла она по вине Диогена Лаэртия. Ср., например, ремарку Доранди, который, как и до него Маркович, принял эмендацию Ричля: «ipse D.L. errorem commisisse vid.» (Dorandi 2013, 76).

⁴⁶ К слову сказать, согласно Панетию, Анаксагор тоже говорил об одном сыне (Panaet. fr. 115 van Straaten; test. 85 Alesse = Plut. *De cohib. ira* 16, 463 D; ср. Posid. F 165 Edelstein–Kidd = 59 A 33 DK; Cic. *Tusc. disp.* III 14, 29–30; Plut. *De tranq. an.* 16, 474 D).

⁴⁷ Mejer 1978, 25.

известно.⁴⁸ Третьим подходящим пифагорейцем является Ксенофил (Ξενοφίλος), учитель Аристоксена, живший в IV в. до н.э. В каталоге он отнесен к пифагорейцам из Кизика, хотя, по иным сведениям, происходил из Халкидики Фракийской. В сокращенной форме имя любого из них легко спутать с именем Ксенофана.

Тут, казалось бы, нужно возразить, что ни одна из предложенных кандидатур не годится по хронологическим соображениям: Пармениск и Орестада жили столетием раньше, в VI–V вв. до н.э., а значит, никак не могли выкупить из рабства ни Ксенокада, ни Ксенофанта, ни тем более Ксенофила. Однако не стоит забывать, что датировка Пармениска и Орестада относительна и полностью зависит от датировки Ксенофана (ок. 570–470 гг. до н.э.).⁴⁹ Никаких иных указаний о времени их жизни не существует, а стало быть, они вполне могли жить и в V–IV вв. до н.э.⁵⁰ С другой стороны, хронология Ксенокада, Ксенофанта и Ксенофила тоже приблизительна, а последний знаменит еще и как долгожитель, достигший возраста 105 лет (Aristox. fr. 20a-b Wehrli = Luc. *De long.* 18 et Val. Max. VIII, 13, ext. 3; Plin. *NH* VIII, 168). При таких условиях препятствий для их хронологического сближения с Пармениском и Орестадом не может быть по определению.

Другое дело, что рассказ о двух метапонтийцах, Пармениске и Орестаде, выкупивших из рабства своего соотечественника, – будь то Ксенокад или Ксенофант, – сам по себе довольно банален и малопримечателен. Чтобы заинтересовать таких авторов, как Диоген Лаэртий или цитируемый им Фаворин, он должен был либо содержать какую-то интересную деталь вроде меткого высказывания, либо сам являться эпизодом какой-нибудь занимательной истории вроде той, которую передает Афиней о путешествиях Пармениска (Athen. XIV, 614a = 20, 3 DK). Однако ничего подобного ни у Диогена Лаэртия, ни у Фаворина не говорится, а следовательно, вероятность того, что в рассказе о выкупе из рабства могли фигурировать Ксенокад или Ксенофант, ничтожно мала.

Куда сложнее обстоит дело с Ксенофилом. В отличие от Ксенокада и Ксенофанта, он известен Диогену Лаэртию. Биограф упоминает о нем дважды – как об одном из «последних пифагорейцев» (D.L. VIII, 46) и как об авторе

⁴⁸ Подробнее о Ксенокаде и Ксенофанте см. статьи Константиноса Макриса в *Dictionnaire des philosophes antiques*: Macris 2018a, 192–193; Id. 2018b, 219–220.

⁴⁹ Кстати, датировка Ксенофана сама опирается на целый ряд допущений Дильса и, в общем-то, нуждается в пересмотре. См. хотя бы: Thesleff 1957.

⁵⁰ О датировке Пармениска: Macris 2012, 162; время жизни Орестада Макрис обходит молчанием (Id. 2005, 798–799).

достопамятного изречения: «Пифагореец Ксенофил на вопрос, как лучше всего воспитывать сына, ответил: “Родить его в благозаконном государстве” (Aristox. fr. 43 Wehrli = D.L. VIII, 16, пер. М.Л. Гаспарова)». Ответ пифагорейца заслуживает того, чтобы присмотреться к нему внимательнее. Он мог быть продиктован тем, что Ксенофил лично пострадал от беззакония. Судя по всему, судьба пифагорейца и вправду была незавидной: уроженец Кизика или же фракийской Халкидики, он по какой-то причине был вынужден покинуть родину и провести последнюю часть жизни в Афинах (Aristox. fr. 20a Wehrli = Luc. *De long.* 18), так что само расхождение традиции в вопросе о его месте рождения могло возникнуть вследствие того, что в разные периоды он жил в разных городах.⁵¹ Как видим, помимо сходства имен Ксенофила и Ксенофана объединяет и определенная схожесть судеб: оба оставили отечество, оба учительствовали (в широком смысле), оба слыли долгожителями, преодолевшими столетний рубеж, наконец, оба вполне имели возможность, прожив столь долгую и полную превратностей жизнь, побывать в рабстве. Ксенофил, без сомнения, больше подходит на роль того неизвестного пифагорейца, с которым Диоген Лаэртий мог по небрежности спутать Ксенофана. И все же утверждать, что в сообщении о выкупе подразумевался именно он, было бы слишком опрометчиво. Будь подобный эпизод известен античным биографам, они не обошли бы его стороной. Но ни одно из имеющихся о Ксенофиле свидетельств о его пленении и порабощении не сообщает.

Итак, если никто из названных пифагорейцев не мог быть вызволен из рабства Пармениском и Орестадом, то гипотеза о проникшей в текст Диогена Лаэртия путанице должна быть отвергнута. Тем более что и сам Диоген, несмотря на обилие личных имен, которыми пестрят *Жизни философов*, ошибается не так уж и часто. Впрочем, даже будь эта гипотеза верна, необходимо помнить, что она была выдвинута исключительно с целью оправдать восполнение Дильса.

Другой способ сохранить текст Диогена Лаэртия в редакции Дильса состоит в том, чтобы понять, почему прославленный филолог посчитал Пармениска и Орестада неспособными обречь Ксенофана на рабство. С точки зрения Жака Брюнсвига, Дильсу, вероятно, казалось невыносимым, чтобы «два философа могли продать третьего», отчего он и предложил решение, позволяющее спасти «l'honneur des Pythagoriciens».⁵² Похоже, Дильс и в самом деле исходил из идеи взаимопомощи философов разных школ. Это, в частности, подтверждает установленная им связь между историями о выку-

⁵¹ Ср. Macris 2018c, 221.

⁵² Brunschwig 2009, 1063 n. 1.

пе Ксенофана и Платона, которого, согласно Диогену Лаэртию, вызволил из рабства философ-киренаик Анникерид (D.L. III, 20; II, 86).⁵³

Но правильно ли считать Пармениска и Орестада философами только потому, что они являлись пифагорейцами? Вопреки распространенному до сих пор мнению, далеко не все последователи Пифагора посвящали себя науке и философии, включая и тех, кто упомянут в каталоге Аристоксена.⁵⁴ Достаточно указать на атлета Милона, шестикратного победителя Олимпийских игр (Diod. XII, 9, 5–6), который значится 28-м в списке кротонцев (Iamb. *Vit. Pyth.* XXVI, 267). Пармениск с Орестадом также могли входить в пифагорейский союз не как философы и ученые, а как-то иначе, например на правах политиков. Во всяком случае, о Пармениске известно, что в Метапонте он «первенствовал и родом, и богатством» (Athen. XIV, 614a = 20, 3 DK), то есть принадлежал к метапонтийской аристократии и почти наверняка занимался политической деятельностью.⁵⁵ Кстати, и выкупивший Платона Анникерид был причислен Диогеном Лаэртием к философам по ошибке. В оригинальной версии анекдота, скорее всего, подразумевался другой Анникерид из Кирены – ловкий наездник и колесничий, не имевший никакого отношения к философии (Luc. *Demosth. encom.* 23; Ael. *VH* II, 27; ср. Olymp. *In Plat. Alcib.* 2, 122–127; *In Plat. Gorg.* 41, 8).

Коль скоро Ксенофан не был пифагорейцем, а выкупившие его пифагорейцы – философами, то восполнение Дильса лишается своих оснований. Если же ограничиться предположением, что история о продаже Ксенофана в рабство всего лишь дублировала эпизод из жизни Платона, то остается неясным, почему с Ксенофаном должно было произойти то же самое, что и с афинским философом, и почему его непременно должны были выкупить из рабства некие доброжелатели, а тем более пифагорейцы, которые едва ли испытывали к Ксенофану добрые чувства из-за его сатирических выпадов против них. При таком положении дел от восполнения Дильса было бы разумнее воздержаться.

⁵³ Ср. Норе 1930, 102.

⁵⁴ Жмудь 2012, 101.

⁵⁵ Но даже если Пармениск с Орестадом не были чужды занятий философией, это еще не означает, что они не были рабовладельцами. Многие философы древности имели рабов, причем и таких, кто отличался склонностью к философствованию. Так, у Пифагора в услужении находился фракиец Залмоксис, у Теофраста – Помпил, у Зенона – Персей, у Эпикура – Мис (Hdt. IV, 95; D.L. V, 36; VII, 36; VIII, 2; X, 3, 10; Aul. Gell. *Noct. Att.* II 18, 8; Macrob. *Sat.* I 11, 42 etc.).

III

Надо сказать, что отнюдь не все издатели и переводчики спешили исправлять текст *Vitae philosophorum*. Так, Карел Габриэль Кобет, хотя и сомневался в продаже Ксенофана пифагорейцами, о чем свидетельствуют астериск перед πεπράσθαι в греческом тексте и знак вопроса после *veniisse* в параллельном латинском переводе, тем не менее держался рукописного чтения.⁵⁶ Схожим образом поступал и Экарт Меншинг, издатель и комментатор *Памятных записок* Фаворина. Признавая, что сообщение о продаже выглядит бессмысленным, он не принял ни одной из имеющихся эмендаций и не предложил своей.⁵⁷ Жак Брюнсви́г при переводе девятой книги Диогена Лаэртия соглашался с Дильсом лишь в том, что в тексте имеется лакуна.⁵⁸ Такое решение было закреплено Тициано Доранди в последнем на сегодняшний день издании *Жизней философов*: πεπράσθαι ὑπὸ <...> τῶν Πυθαγορικῶν κτλ.⁵⁹ Наиболее решительным показал себя переводчик Отто Апелът. Отдавая дань Дильсу и допуская, что интересующее нас место испорчено, он все же предпочел следовать Диогену Лаэртию. Сообщение о продаже Ксенофана Пармениском и Ореста́дом Апелът перевел буквально: «Er [Xenophanes] soll von den Pythagoreern Parmeniskos und Orestades verkauft worden sein usw.».⁶⁰

Как бы то ни было, факт остается фактом: даже самые осторожные и рассудительные издатели и переводчики были не удовлетворены свидетельством о Ксенофане. Нежелание принимать его буквальный смысл сохраняется и по сей день, что прекрасно показывает недавняя работа Сержи Грау *Xenòfanès i els pitagòrics: un comentari a Diògenes Laerci 9, 20*. Грау является заметным специалистом по Диогену Лаэртию. Ему, в частности, принадлежит внушительная монография, где *Жизни философов* рассматриваются на фоне античной биографии вообще и биографий философов в частности.⁶¹ Последние несколько лет он работает над новым изданием *Жизней*, которое помимо греческого текста включает и комментированный перевод на каталанский язык.⁶² Упомянутая выше работа о Ксенофане и пифагорейцах

⁵⁶ Cobet 1850, 232.

⁵⁷ Mensching 1963, 74–75 (fr. 8 et comm.).

⁵⁸ Brunschwig 2009, 1063.

⁵⁹ Dorandi 2013, 669–670.

⁶⁰ Apelt 1921, II, 144, 270 n. 16.

⁶¹ Grau 2009.

⁶² На сегодняшний день вышло два тома, содержащие первые три книги: Grau 2014–2018.

представляет собой нечто вроде комментария ad locum, в котором автор не только собирает все относящиеся к делу материалы, но и делится собственными соображениями.

Грау начинает с признания надежности рукописной традиции и заявляет об отсутствии каких-либо причин исправлять текст Диогена Лаэртия или подозревать в нем лауну.⁶³ Однако он не спешит на этом ставить точку, но предполагает, что в текст Диогена все же вкралась ошибка. Она была допущена на этапе предварительного сбора материала, еще до того, как биограф приступил к работе над сочинением. По мнению Грау, Диоген Лаэртий мог ошибиться двумя способами.

Во-первых, он мог спутать имена, приписав Ксенофану сообщение о продаже в рабство, изначально касавшееся Ксенократа. Решающим аргументом в пользу этой гипотезы Грау считает присутствие схожего эпизода в биографии третьего схоларха Академии: как сообщает Диоген Лаэртий, афиняне выставили на продажу Ксенократа за неуплату налога, взимаемого с метеков (D.L. IV, 14). А чтобы объяснить участие в продаже пифагорейцев, Грау допускает, что наравне с указанной версией анекдота бытовала и другая, где в роли продавцов выступали не афиняне, а Пармениск и Орестаид, и что восходила она к некой комедийной сцене, ныне, разумеется, утраченной.⁶⁴

Во-вторых, Диоген мог не столько спутать имена, сколько по невнимательности упустить какую-то важную деталь. Решаясь на смелый шаг, Грау предполагает, что при работе над сочинением биограф неточно выписал заинтересовавшее его свидетельство, выпустив слово τὸ βιβλίον. Выходит, в исходном варианте речь шла всего-навсего о продаже книги Ксенофана, а вовсе не его самого. В подтверждение Грау вспоминает подходящие к случаю параллели: покупку Аристотелем книг Спевсиппа (D.L. IV, 5 = Favorin. fr. 9 Mensching; 39 Varigazzi; 47 Amato; ср. Aul. Gell. *Noct. Att.* III 17, 1–3); историю о том, как Платон убедил Гераклида Понтийского скупить все доступные произведения Антимаха Колофонского (Procl. *In Tim.* I, 90); и самое главное – приобретение Платоном трех пифагорейских книг у Филолая (D.L. III, 9 = Satyr. fr. 10 Schorn; D.L. VIII, 15, 84 et 85 = Hermipp., *FGrHist* 1026 F 69; Cic. *Rep.* II, 10, 161; Aul. Gell. *Noct. Att.* III 17, 1–3). Нечто подобное, полагает Грау, произошло и с Ксенофаном, чью книгу Пармениск и Орестаид якобы продали Платону, когда тот был на Сицилии. Как и в случае с книгами пифагорейцев, такой анекдот мог возникнуть из-за явных перекличек с идеями

⁶³ Grau 2019, 187.

⁶⁴ Ibid., 194.

Ксенофана, встречающихся порой в платоновских диалогах, – то есть из-за очередных обвинений Платона в плагиате (ср. D.L. VIII, 54–55).⁶⁵

Соображения Грау не слишком убедительны и не выдерживают даже поверхностной критики. Взять хотя бы его непоследовательность. Если в начале своего комментария он признает надежность текста *Vitae philosophorum*, не видя необходимости вносить в него какие-либо исправления и отрицая наличие лакуны, то затем сам же обнаруживает ошибку (пусть и возникшую не на этапе написания сочинения, а только в ходе предварительного сбора материала), которую стремится во что бы то ни стало исправить (пусть и не в тексте, а только в комментарии).

Мало того, Грау пренебрегает спецификой имеющихся в нашем распоряжении данных. Так, его предположение, будто анекдот о продаже в рабство восходит к несохранившейся комедийной сцене, идет вразрез с тем, что о подобных сценах известно. В качестве комедийных персонажей пифагорейцы появились только в средней комедии. Комедиографы выводили их на сцену под маской так называемых пифагористов, которые наряду со сметливыми рабами, ненасытными паразитами, влюбленными юношами и алчными гетерами стали постоянными действующими лицами комедий, приобретая отчетливые типические черты – нищенство, вегетарианство и проповедь метемпсихоза (см. Alexis fr. 27, 201–203, 223 PCG II; Antiphanes fr. 133, 166, 225 PCG II; Aristophon fr. 9–10, 12 PCG IV; Cratinus Jr fr. 6–7 PCG IV; Mnesimachus fr. 1 PCG VII). Отчасти поэтому сами пифагористы, как правило, оставались безымянными. Правда, бывали и исключения. В *Тарентинцах* Алексид поименно представил пятерых – Эпихарида, Меланиппида, Фаона, Фирромаха и Фана. Первый из них, вопреки пифагорейскому запрету вкушать живое, убивал и ел собак, оправдываясь тем, что убитые собаки больше не живы. Оставшиеся же четверо, по словам Алексида, вообще питались раз в пять дней (fr. 223 PCG II). Словом, авторы комедий выставляли пифагористов в нелепом виде и обычно не выходили за рамки их сценического амплуа. Едва ли нищие, постоянно голодные и обессиленные пифагористы были способны продать какого-то в рабство. Следует учесть и еще одно обстоятельство. Считается, что лица, причисленные Алексидом к пифагористам, в действительности никакого отношения к Пифагору и пифагорейцам не имели, а были вполне себе известными афинскими гражданами: к примеру, Эпихарид слыл повесой и мотом, а Фирромах – паразитом.⁶⁶ Иначе говоря, маска пифагориста не обязательно изображала пифагорейца, но иной

⁶⁵ Ibid., 195–196.

⁶⁶ Жмудь 2012, 157.

раз – и некую узнаваемую персону, высмеивание которой обеспечивало комедии успех у публики. В отличие от Эпихарида и Фиромаха, Пармениск и Ореста́д были настоящими метапонтийскими пифагорейцами, причем не настолько знаменитыми, чтобы заинтересовать комедиографов.

Наконец, нельзя не отметить, что оба предлагаемых Грау решения появились в результате нагромождения малоубедительных догадок: например, что Пармениск с Ореста́дом (кстати, исследователь продолжает считать их философами) были героями комедии, что они знали Ксенократа и жили с ним в одно время; что они почему-то имели в своем распоряжении книгу Ксенофана и встречались с Платоном на Сицилии, что Диоген Лаэрти́й принял сочинение Ксенофана за него самого и проч., и проч. Впрочем, как признается сам Грау, он пытался мыслить в духе античного биографа, так что его попытки объяснить свидетельство о продаже Ксенофана пифагорейцами не лишены элемента литературной игры.⁶⁷

Несмотря на некоторую несерьезность соображений Грау, примечателен сам подход исследователя. Грау склонен рассматривать произошедшее с Ксенофаном исключительно как продукт творчества античных биографов. А поскольку эпизод с продажей философа философами является единственным в своем роде и нигде более в биографической традиции не встречается, то Грау не находит ничего лучшего, как привести его в согласие с этой самой традицией, уподобив имеющимся в ее арсенале образцам и близким свидетельствам. У такого подхода, однако, есть два слабых места. Во-первых, уникальность свидетельства о продаже Ксенофана пифагорейцами не может считаться недостатком. Напротив, странно было бы ожидать, чтобы все без исключения биографические сообщения находили параллели в биографической традиции. Во-вторых, механизм возникновения новых сообщений не сводится к воспроизведению существующих образцов. Начиная с работы Карла Лерса *Über Wahrheit und Dichtung in der griechischen Literaturgeschichte* (1847) и в особенности после книги Фридриха Лео *Die griechisch-römische Biographie nach ihrer literarischen Form* (1901) среди ученых утвердилось убеждение, что многие эпизоды в биографиях античных писателей не являются фактами в собственном смысле слова. Биографы зачастую черпали материал из творений своих героев, проецируя на их жизни позаимствованные оттуда реалии и подробности быта, сентенции и максимы, похвалы или остроты в чей-либо адрес.⁶⁸ Кто поручится, что и эпизод с продажей Ксенофана не был спровоцирован его шуткой над Пармениском и

⁶⁷ Grau 2019, 194, 196.

⁶⁸ Stuart 1931, 285–304; Wehrli 1973, 193–208; Fairweather 1974, 231–275.

Орестадам? Ведь уже то, что оба пифагорейца в столь необычном контексте названы по имени, говорит о том, что главными в описанной ситуации были именно они, а не Ксенофан.

С другой стороны, не следует и слишком переоценивать продуктивные механизмы античной биографии, равно как и недооценивать античных биографов. Ксенофану было свойственно рассказывать о своих бедах и злоключениях. Многие обстоятельства его жизни, сомневаться в которых не приходится, известны только благодаря дошедшим от него стихам (21 В 3, 8, 45 DK). Следовательно, и некоторые сообщения опиравшихся на Ксенофановы стихи биографов имеют все шансы оказаться достоверными. В этой связи уместно напомнить о наблюдении Джона Бёрнета, обратившего в свое время внимание на слова Диогена Лаэртия о том, что после изгнания из Колофона Ксенофан жил в сицилийской Занкле (D.L. IX, 18). Между тем Занкла была переименована в Мессену ок. 488–487 гг. до н.э. (Hdt. VII, 164; Thuc. VI, 4), а значит, слова биографа восходят к довольно раннему источнику – вероятнее всего, к самому Ксенофану.⁶⁹ Если так, то и продажа философа в рабство могла быть не поэтическим или биографическим вымыслом, а вполне реальным событием.

Во всей античной биографической традиции случай с продажей Ксенофана пифагорейцами стоит особняком и является исключительным. Но как раз в силу его исключительности сообщение о нем может оказаться правдивым, а буквальное чтение соответствующего места у Диогена Лаэртия – единственно верным. И если высказанные выше соображения хоть сколько-нибудь справедливы, то впредь следует воздержаться от исправлений D.L. IX, 20 и при следующем издании *Жизней философов* убрать указание на лакуну.

СОКРАЩЕНИЯ / ABBREVIATIONS

CALMA — *Compendium Auctorum Latinorum Medii Aevi (500–1500)*, I–VII, a cura di C. Leonardi, M. Lapidge, F. Santi, S. Nocentini. Firenze 2000–2021.

DPhA — *Dictionnaire des philosophes antiques*, I–VII et Suppl., publ. sous la dir. de R. Goulet. Paris 1989–2018.

GW — *Gesamtkatalog der Wiegendrucke*, I–X, hrsg. von der Kommission für den Gesamtkatalog der Wiegendrucke. Leipzig, Stuttgart, New York, Berlin 1925–1978.

PCG — *Poetae comici Graeci*, I–VIII, ed. R. Kassel et C. Austin. Berolini, Novi Eboraci 1983–2001.

⁶⁹ Burnet 1930, 114.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Егорочкин, М.В. (2020) “Шутка Ксенофана,” *Историко-философский ежегодник* 35, 5–30.
- Жмудь, Л.Я. (2012) *Пифагор и ранние пифагорейцы*. Москва.
- Лебедев, А.В., пер. (1989) *Фрагменты ранних греческих философов*. Москва.
- Aldobrandini, T. (1594) *Laertii Diogenis de vitis dogmatis et apophthegmatis eorum qui in philosophia claruerunt Libri X*, interprete Thoma Aldobrandino cum adnotationibus eiusdem. Romae.
- Amato, E. (2010) *Favorinos d'Arles, Œuvres*, III, texte établi, trad. et comm. E. Amato. Paris.
- Apelt, O. (1921) *Diogenes Laertius, Leben und Meinungen berühmter Philosophen*, I–II, übers. und erläut. von O. Apelt. Leipzig.
- Barigazzi, A. (1966) *Favorino di Arelate, Opere*, Intr., testo crit. e comm. a cura di A. Barigazzi. Florence.
- Brunschwig, J. (2009) “Livre IX. Introduction, traduction et notes,” *Diogène Laërce, Vies et doctrines des philosophes illustres*, trad. sous la dir. de M.-O. Goulet-Cazé, 4e éd. Paris, 1025–1145.
- Burnet, J. (1930) *Early Greek Philosophy*, 4th ed. London.
- Casaubonus, M. (1664) “In Diogenem Laertium notae et emendationes,” *Laertii Diogenis de vitis dogmatis et apophthegmatis eorum qui in philosophia claruerunt Libri X*, [cur. J. Pearson]. Londini, 1–26.
- Cobet, C.G. (1850) *Diogenes Laertii de clarorum philosophorum vitis, dogmatibus et apophthegmatibus libri decem*, ex Ital. codd. nunc primum excussis rec. C.G. Cobet. Parisiis.
- Del Basso, E. (1975) “Sull’antipitagorismo di Senofane,” *Logos* 7, 163–176.
- Diels, H. (1887) “Über die ältesten Philosophenschulen der Griechen,” *Philosophische Aufsätze: Eduard Zeller zu seinem fünfzigjährigen Doctor-Jubiläum gewidmet*. Leipzig, 239–260.
- Diels, H. (1897) *Parmenides, Lehrgedicht*. Berlin.
- Diels, H. (1901) *Poetarum philosophorum fragmenta*. Berolini.
- Dorandi, T. (2009) *Laertiana: Capitoli sulla tradizione manoscritta e sulla storia del testo delle Vite dei filosofi di Diogene Laerzio*. Berlin, New York.
- Dorandi, T., ed. (2013) *Diogenes Laertius, Lives of Eminent Philosophers*. Cambridge.
- Egorochkin, M. (2020) “Shutka Ksenofana [The Joke of Xenophanes],” *History of Philosophy Yearbook* 35, 5–30. (In Russian)
- Fairweather, J. (1974) “Fiction in the Biographies of Ancient Writers,” *Ancient Society* 5, 231–275.
- Fritz, K. von (1939) “Orestadas,” *RE* XVIII, 1, 960.
- Gigante, M., a c. di. (1962) *Diogene Laerzio, Vite del filosofi*. Bari.
- Gigante, M. (1986) “Biografia e dossografia in Diogene Laerzio,” *Elenchos* VII, 1–2, 7–102.
- Gigante, M. (1988) “Ambrogio Traversari interprete di Diogene Laerzio,” *Ambrogio Traversari nel VI centenario della nascita. Convegno internazionale di studi*

- (*Camaldoli – Firenze, 15–18 settembre 1986*), a cura di G.C. Garfagnini. Firenze, 367–459.
- Gigon, O. (1945) *Der Ursprung der griechischen Philosophie von Hesiod bis Parmenides*. Basel.
- Grau, S. (2009) *La imatge del filòsof i de l'activitat filosòfica a la Grècia antiga: Anàlisi dels tòpics biogràfics presents a les Vides i doctrines dels filòsofs més il·lustres de Diògenes Laerci*. Barcelona.
- Grau, S. (2014–2018) *Diògenes Laerci, Vides i doctrines dels filòsofs més il·lustres*, intr. general, notes preliminars, text revisat, trad. i notes de S. Grau, I–II (llibres 1–3). Barcelona.
- Grau, S. (2019) “Xenòfanes i els pitagòrics: un comentari a Diògenes Laerci 9, 20,” *Liburna* 14, 185–199.
- Helm, R., ed. (1959) *Apulei Florida*. Lipsiae.
- Hicks, R.D., ed. (1925) *Diogenes Laertius, Lives of Eminent Philosophers*, I–II. Cambridge, Mass.; London.
- Hope, R. (1930) *The Book of Diogenes Laertius, its Spirit and its Method*. New York.
- Huebnerus, H.G., ed. (1828–1831) *Diogenis Laertii de vitis, dogmatibus et apophthegmatibus clarorum philosophorum libri decem*, I–II. Lipsiae.
- Huffman, C.A. (2005) *Archytas of Tarentum: Pythagorean, Philosopher and Mathematician King*. Cambridge.
- Hunink, V. (2001) *Apuleius of Madauros, Florida*, ed. with a comm. by V. Hunink. Amsterdam.
- Janáček, K. (1992) *Indice delle Vite dei filosofi di Diogene Laerzio*. Firenze.
- Karsten, S. (1830) *Xenophanis Colophonii carminum reliquiae*. Amstelodami.
- Knoepfler, D. (1991) *La Vie de Ménédème d'Érétrie de Diogène Laërce. Contribution à l'histoire et à la critique du texte des Vies des philosophes*. Basel.
- Knust, H., ed. (1886) *Gualteri Burlaei Liber de vita et moribus philosophorum*. Tübingen.
- La Rocca, A. (2005) *Il filosofo e la città: commento storico ai Florida di Apuleio*. Roma.
- Lebedev, A. (1989) *Fragments rannikh grecheskikh filosofov* [The Fragments of the Early Greek Philosophers]. Moscow. (In Russian)
- Lee, B.T. (2005) *Apuleius' Florida: A Commentary*. Berlin, New York.
- Leshner, J.H. (1992) *Xenophanes of Colophon, Fragments*, a text and transl. with a comm. by J.H. Leshner. Toronto, Buffalo, London.
- Lloyd, G.E.R. (1990) “Plato and Archytas in the Seventh Letter,” *Phronesis* 35, 159–174.
- Long, H.S., ed. (1964) *Diogenis Laertii Vitae philosophorum*, I–II. Oxonii.
- Lumpe, A. (1952) *Die Philosophie des Xenophanes von Kolophon*, Diss. München.
- Macris, C. (2005) “Orestadas de Métafonte,” *DPhA* IV, 798–799.
- Macris, C. (2012) “Parm(én)iscos de Métafonte,” *DPhA* Va, 161–164.
- Macris, C. (2018a) “Xénocadès de Métafonte,” *DPhA* VII, 192–193.
- Macris, C. (2018b) “Xénophantès de Métafonte,” *DPhA* VII, 219–220.
- Macris, C. (2018c) “Xénophile de Chalcidique ou de Cyzique,” *DPhA* VII, 220–226.

- Marcovich, M., ed. (1999) *Diogenis Laertii Vitae philosophorum*, I: Libri I–X. Berolini, Novi Eboraci.
- Marres, J.L. (1853) *Dissertatio de Favorini Arelatensis: vita, studiis, scriptis. Accedunt fragmenta*. Trajecti ad Rhenum.
- Mathieu, B. (1987) “Archytas de Tarente, pythagoricien et ami de Platon,” *Bulletin de l’Association Guillaume Budé* 3, 239–255.
- Mehus, L., ed. (1759) *Ambrosii Traversarii Generalis Camaldulensium aliorumque ad ipsum, et ad alios de eodem Ambrosio Latinae epistolae etc.*, I–II. Florentiae (rist. Bologna 1968).
- Mejer, J. (1978) *Diogenes Laertius and his Hellenistic Background*. Wiesbaden.
- Mensching, E. (1963) *Favorin von Arelate, Fragmente*, I, hrsg. und komm. von. E. Mensching. Berlin.
- Opeku, F. (1974) *A Commentary with Introduction on the Florida of Apuleius*, Diss. London.
- Pressel, J.G. (1822) *Beiträge zu Joh. Gottlob Schneiders Griechischdeutschem Wörterbuch*. Tübingen.
- Puncuh, D., a c. di. (1971) *Carteggio di Pileo de Marini arcivescovo di Genova (1400–1429)*. Genova.
- Riginos, A.S. (1976) *Platonica: The Anecdotes Concerning the Life and Writings of Plato*. Leiden.
- Ritschl, F. (1866) *Opuscula philologica*, I. Lipsiae.
- Rohde, E. (1885) “Zu Apuleius,” *Rheinisches Museum für Philologie* 40, 66–113.
- Schäfer, Ch. (2009) “Das Pythagorasfragment des Xenophanes und die Frage nach der Kritik der Metempsychosenlehre,” *Body and Soul in Ancient Philosophy*, ed. by D. Frede and B. Reis. Berlin, New York, 45–69.
- Sottili, A. (1984) “Il Laerzio latino e greco e altri autografi di Ambrogio Traversari,” *Vestigia: Studi in onore di Giuseppe Billanovich*, II, a cura di R. Avesani, M. Ferrari, T. Foffano, G. Frasso, A. Sottili. Roma, 699–745.
- Stuart, D.R. (1931) “Authors’ Lives as Revealed in their Works: A Critical Resume,” *Classical Studies in Honor of John C. Rolfe*, ed. by G.D. Hadzsits. Philadelphia, 285–304.
- Thesleff, H. (1957) *On Dating Xenophanes*. Helsingfors.
- Traversari, A. (1472) *Diogenes Laertius, Vitae et sententiae philosophorum*, interpret. lat. Ambrosius Traversarius, ed. Aelius Franciscus Marchisius. Romae.
- Untersteiner, M. (1956) *Senofane, Testimonianze e frammenti*, intr., trad. e comm. a cura di M. Untersteiner. Firenze.
- Wehrli, F. (1973) “Gnome, Anekdote und Biographie,” *Museum Helveticum* 30, 4, 193–208.
- Zhmud, L. (2012) *Pifagor i rannie pifagorejcy* [Pythagoras and the Early Pythagoreans]. Moscow. (In Russian)